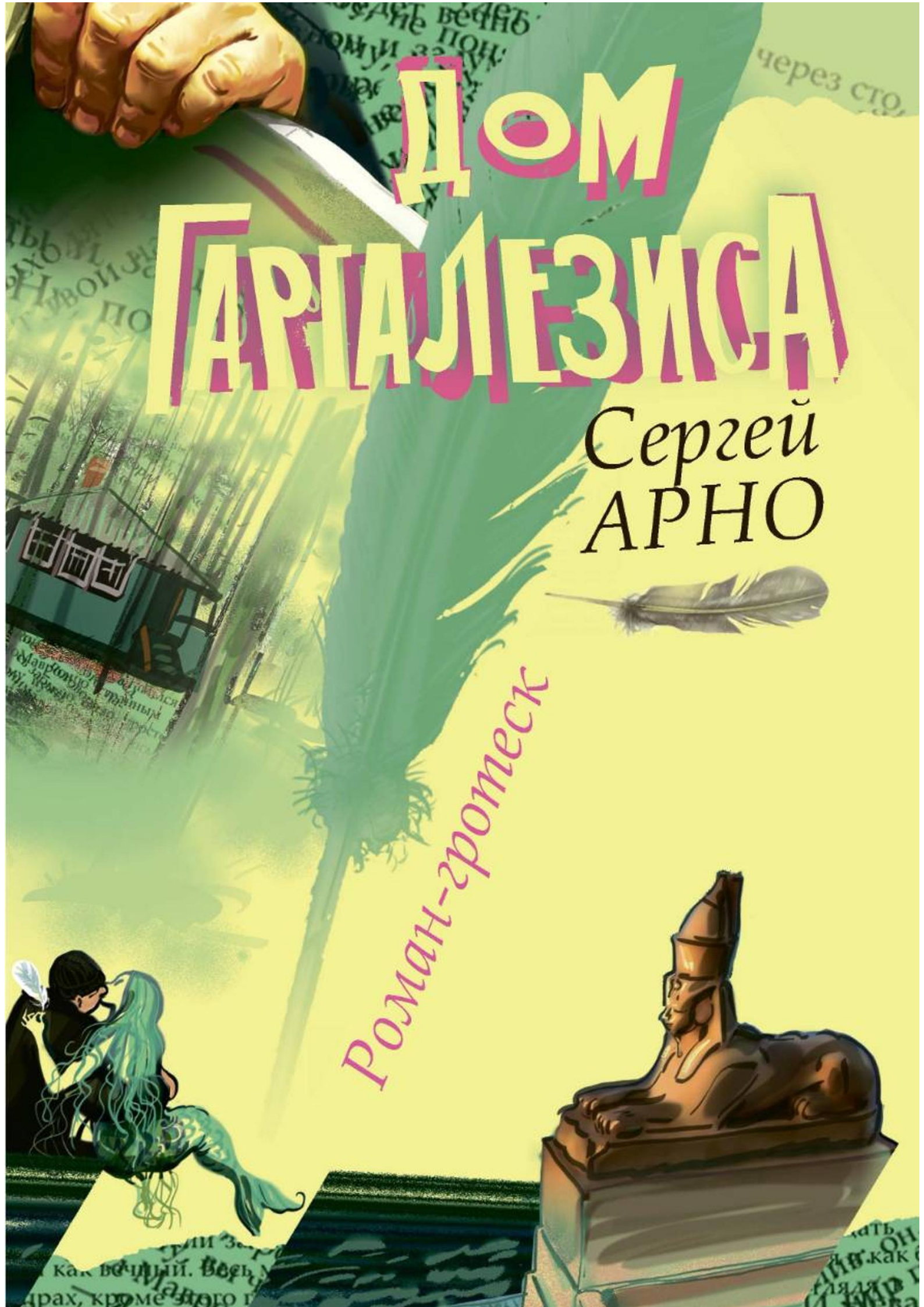

Дом Гаргалезиса

Сергей
АРНО

Роман-гротеск

Сергей Арно
Дом Гаргалезиса

«Автор»

2026

Арно С.

Дом Гаргалезиса / С. Арно — «Автор», 2026

Новый роман Сергея Арно написан в духе мистического реализма, соединяющего в себе мифологию, абсурд, черный юмор, пародию, антиутопию и гротеск. Это уникальное произведение, не имеющее аналогов в современной литературе. События романа происходят в мистическом Петербурге, овеянном легендами, в котором живут герои Гоголя, Достоевского и Хармса.

© Арно С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Цена смеха	6
Глава 1. Всё началось с пустоты	10
Глава 2. Радости полные штаны	14
Глава 3. Беги!	19
Глава 4. Погоня	23
Глава 5. Друг твой на дне	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дом Гаргалезиса

Часть 1. Цена смеха

Глава 1. Всё началось с пустоты

В этот вечер, не предвещавший никаких жизненных изменений и тем более потрясений, сидевшие за столиком в кафе Дома книги двое молодых людей и представить себе не могли, что их скучная и однообразная жизнь совсем скоро резко переменится. Они узнают, что такое лютый ужас и что такое безумное, безудержное веселье, что дикое непреодолимое счастье будет разрывать изнутри одного из них, а другой будет стараться спасти его от этого счастья.

Не знали они всего этого, а пили пиво и закусывали сухариками.

Молодых людей звали Егор и Мавродий. Они любили по пятницам после работы посидеть за кружечкой пива в кафе Дома книги. Пиво здесь было дороговато, зато вид в огромные арочные окна на Невский проспект и Казанский собор потрясающий! Хотя, конечно, не виды привлекали их сюда, а книги. Даже после работы их обоих тянуло к книгам, поэтому и выбрали этот Дом для пятничного отдыха.

Мавродий — белокожий, с рыжими коротко стриженными волосами, коричневыми веснушками на лице, среднего роста, худой и сутулый. Его друг Егор был роста невысокого, брюнет со смуглой кожей, длинным носом и маленькими быстрыми глазками. Он любил пиво и книги в мягких обложках.

Они сидели молча, окидывая посетителей усталыми после работы взглядами.

— Руки ломит. — Сделав несколько громких глотков, Егор поставил бокал с пивом на стол. У него как-то так было устроено горло, что глотал он очень громко. — В конце дня книги из библиотеки доставили... — Он тяжело вздохнул. — Я их рвал-рвал, целый вечер рвал...

Жестом он проиллюстрировал, как рвал книги, и снова тяжело вздохнул. Мавродий ничего не ответил: он тоже сегодня таскал пачки книг без пустоты внутри, как будто булыжники ворочал — ненавидел такие дни.

В кафе вошёл мужчина лет шестидесяти. Мавродий, сидевший лицом к входу, отчего-то обратил на него внимание. Щуплый, роста невысокого, с аккуратной седой бородкой и с какой-то коричневой шишкой или бородавкой под носом, которую, должно быть, старался скрыть усами, но она всё равно выпячивалась сквозь жидкие волосы. И тут же вслед за ним вошёл коренастый мужчина неопределённого возраста в кожаной куртке, с лысым черепом и мрачным лицом. Мавродию поначалу показалось, что они вместе, но «бандюган» сел за свободный столик, а человек с бородкой, внимательно оглядев посетителей кафе, направился к столику, где пили пиво Мавродий с Егором, и без приглашения опустился на свободный стул.

— Скучаете, молодые люди? Хочу вас угостить. Позвольте, куплю вам пива.

— Я не против, — оживился Егор. — У меня, типа, пиво кончается. — Он посмотрел на свой почти пустой бокал.

— Вот и замечательно! Давайте познакомимся. Меня зовут Генрих Карлович.

Друзья тоже представились.

Ничего, казалось, не было особенного в этом человеке, но Мавродию он сразу не понравился.

Генрих Карлович указательным пальцем потрогал бородавку под носом, как бы проверяя, на месте ли, и махнул официанту.

— Ну, тогда я сейчас приду. — Мавродий поднялся из-за стола и направился в туалет.

До туалета нужно было пройти через зал, уставленный стеллажами с книгами, мимо мраморной лестницы и свернуть за угол. Мавродий неторопливо шёл между стеллажами. Ему была приятна духовная атмосфера Дома книги. Вот полки зарубежной фантастики, современной литературы, детективов... Любителей книг было немного, иногда только между стеллажами замечался какой-нибудь одинокий человек, рассматривавший названия.

Когда Мавродий проходил мимо стеллажей, ему показалось, что из-за одного из них вдруг высунулась лысая голова с бандитской рожей, подмигнула ему и тут же исчезла.

Сзади слышались торопливые шаги, Мавродий оглянулся — за ним никого не было. Он прошёл ещё немного, как перед ним внезапно вырос официант, обслуживавший их столик, — он неожиданно выскочил из-за стеллажа с книгами, чем напугал Мавродия. Он остановился, отступил и хотел обойти официанта, но парень вдруг приблизился к нему почти вплотную, прижав к стеллажу.

Он был лет двадцати пяти, с круглым монгольским лицом и чуть раскосыми глазами.

— Я должен вас предупредить, — заговорил он тревожным шёпотом. — Это очень страшный человек... Будьте с ним осторожны... Очень осторожны...

— Какой человек? — не сразу понял Мавродий, отстраняя от него лицо.

— Тот, что к вам за столик подсел, — как-то раздражённо, оттого, что его не понимают, проговорил официант, сузив и без того щёлочки глаз. — Он часто в Доме книги ошивается. Но ему не книги нужны, — как-то злорадно прошипел официант. — Совсем не книги! Если будет вам предлагать поехать к нему, не соглашайтесь. Кто с ним поговорит — исчезают и больше здесь не появляются. Я-то знаю: ему не книги нужны...

Неприятный холодок пробежал по спине Мавродия, хотя он и не был трусом, но почему-то слова официанта на мгновение взволновали его.

— Да мне тоже не книги нужны, — пробормотал Мавродий и, кивнув, направился в туалет, по пути мысленно продолжая начатую фразу: — Я пиво здесь пью, а книг у меня и на работе хватает.

Странно, что и на обратном пути из-за одного из стеллажей вновь высунулась бандитская рожа и, снова подмигнув, мгновенно исчезла, как будто и не высывалась.

Когда он вернулся, стол был уже накрыт: на нём стояли бокалы с пивом, тарелка с бутербродами, блюдо с сухариками, запотевший графинчик водочки, рюмки... Егор, закинув голову, хохотал — новому знакомому чем-то удалось его рассмешить.

За огромным арочным окном Дома книги, выходящим на Казанский собор и Невский проспект, рядом с которым стоял их столик, зажгли фонари. Белые ночи ещё не наступили, и этот последний месяц до белых ночей — когда в Петербурге ещё включают фонари — время самое загадочное, самое таинственное... город предстаёт в призрачном, иллюзорном свете.

Но Мавродий не обратил внимания на то, что творилось за окном.

— Вот и Мавродий подошёл! Мы тут с вашим другом анекдоты рассказываем, у него потрясающее чувство юмора, — сказал Генрих Карлович с улыбкой, потрогав бородавку под носом.

— Не замечал, — сказал Мавродий. Усаживаясь, он не ожидал такого изобильного стола — ну да, завтра не на работу. Интересно, во сколько ему всё это обошлось?

— Ну, давайте за знакомство, — разливая водку по рюмкам, предложил Генрих Карлович.

Выпили, и почти без промежутка он налил по новой.

— Я учёный-теоретик, — между тем говорил Генрих Карлович, — занимаюсь физиологией. А вы где работаете?

— Мы в книжном бизнесе, — сказал Мавродий, закусывая бутербродом.

Это почему-то очень понравилось Генриху Карловичу.

— Замечательно! — потрогав шишку под носом, воскликнул он с удовольствием. — Значит, гуманитарии! Вот почему мы в Доме книги встретились!

— Выходит так. — Егор взял новый бутерброд. — Гуманитарии.

— Очень люблю гуманитариев. У меня в друзьях один читатель, он книг много читает, а ещё — один писатель, и вот вы теперь... Я вам анекдотец расскажу...

Генрих Карлович рассказал анекдот, потом другой, третий... Анекдоты были отстойные, из прошлого времени: про то, как русский, американец и француз чем-то там мерились друг с другом, и русский всегда выходил победителем, а те — дураками. Мавродий забывал их тут же и смеялся для приличия. Такие тупые анекдоты теперь даже в интернете не встретишь. Зато Егор хохотал вовсю и после долго не мог остановиться. Его задорный смех вызывал ответную реакцию у Мавродия, и он, заразившись, против своего желания тоже смеялся. На них обращали внимание посетители, сидевшие за соседними столиками, грозно поглядывал официант монгольской внешности, а Генрих Карлович всё рассказывал и рассказывал. Он прямо набит был анекдотами и сам смеялся, но как-то неискренне, как будто делал вид. Рассказывая, он, словно забывшись, неустанно теребил указательным пальцем свою бородавку под носом, а когда смеялся, внимательно смотрел на друзей, словно изучая.

Генрих Карлович заказал ещё графинчик водки, так что к концу вечера все были в приподнятом настроении.

Когда выходили из кафе, Мавродий обратил внимание на сидевшего неподалёку за столиком человека с бандитской физиономией, ведь именно он выглядывал тогда из-за стеллажей с книгами.

Не допив пиво, бандюган поднялся и вышел вслед за ними.

Они ещё минут пять стояли на Невском проспекте у дверей Дома книги, прощаясь. Мимо проходили люди — на Невском в любое время суток полно народа, — у метро пели уличные музыканты. Генрих Карлович рассказывал анекдоты, Егор ржал, Мавродий подсмеивался.

— Друзья мои, приходите ко мне в гости! — сказал Генрих Карлович. Он казался пьянее всех, и иногда его как бы тянуло в сторону. — У вас потрясающее чувство юмора, а это самое главное чувство человека. Такие люди нам нужны! Вот здесь написан мой номер телефона. — Он раздал друзьям визитные карточки.

Мавродий и Егор продиктовали ему номера своих телефонов. Сейчас казалось, что они знакомы много лет, — настолько весело и душевно было им друг с другом. Но пришло время расставаться, друзья направились к метро, а Генрих Карлович — в другую сторону.

Тут произошло странное происшествие, которому Мавродий не придавал поначалу никакого значения, а вспомнил много позже. Мавродий остановился, почему-то обернулся и посмотрел в сторону удаляющегося по Невскому проспекту Генриха Карловича. Он был уже не один — рядом с ним шёл тот самый тип в кожаной куртке с бандитской рожей, которого Мавродий заметил в кафе Дома книги, подумав тогда, что они пришли вместе. Возле них остановилась машина, тип в кожаной куртке услужливо открыл перед Генрихом Карловичем дверцу...

— Ну пойдём! Чего, типа, остановился-то? — потянул его за рукав Егор.

Мавродий работал в издательстве упаковщиком и, перетаскивая пачки с книгами, определял их ценность исключительно по весу: тяжёлая пачка — значит, автор написал хорошую книгу, если пачка с книгами лёгкая — значит, мыслей в них мало, одни буквы. А буквы он не любил, главное ведь в книге не буквы, а мысли. А мысли он оценивал по весу.

Однажды он прочитал в интернете, что всё началось с пустоты и всё закончится пустотой. Хотя он ничего и не понял из этого изречения, но сама фраза так почему-то потрясла его, что несколько дней он ходил взволнованный. Пустота, по его размышлению, оказывалась вовсе не пустой, а полной идей, планов и образов, которые могут занять в ней своё место. Пустота ждёт этого. А это значило, что в лёгких книгах, в которых, как он предполагал, мало мыслей, было просто больше пространства для заполнения мудростью. И он, пересмотрев свой взгляд на книги, стал ценить пачки с лёгкими книгами, в которых больше пустоты, потому что пустотой все и заканчивается. Пустота главнее всего.

— Какая чушь! — говорил печатник Николай Николаевич после обеда, ковыряя ногтем в дупле зуба. — Какая пустота?! Какие мысли?! Какие образы? Вот здесь бумага сто двадцать

граммов, а это офсет шестьдесят пять. — Он щупал мозолистой рукой белые листы, лежавшие стопкой на верстаке. — А это вообще меловка стапятидесятиграммовая, из неё книга — кирпич. Так что ты, Мавродий, выкинь эту чушь из головы, а постигай печатное дело — всегда кусок свой будешь иметь.

Но Мавродий не хотел постигать печатное мастерство — ему в свои тридцать пять лет и грузчиком-упаковщиком было нормально. Не то что его друг Егор, сдиравший с книг обложки, — тот всегда стремился к большему.

Егор, как и Мавродий, работал в книжном бизнесе, только с другой стороны. Он получал зарплату в организации, утилизовавшей книги. Издательства привозили им книги, не пользовавшиеся спросом у покупателей, и те шли в переработку, чтобы получились чистые листы, на которых печатали новые книги, которые в дальнейшем также шли в переработку. Библиотеки города после инвентаризации отбирали книги, которые не заказывали читатели в течение трёх-пяти лет, и отправляли в организацию Егора, где он трудился на самой ответственной операции — сдирал с книг обложки. Никто не выдерживал на этой работе долго — сходили с ума. А Егор ничего, даже спал хорошо — призвание!

Одни рвались легко, как будто устали бессмысленно стоять на полке и только дожидались, когда с них сдерут обложку. Другим не очень нравилась эта процедура, а бывало, что приходилось применять всю физическую мощь, и даже тогда обложка поддавалась не полностью — часть её оставалась; книга словно огрызалась, цепляясь за жизнь: не желаю умирать. Но Егор был сильнее любой даже самой умной книги и всегда выходил победителем. Старые библиотечные книги рвались хотя и легче, но уставал Егор от них почему-то больше, чем от новых изданий. Только пиво после работы спасало.

Глава 2. Радости полные штаны

— Привет, ты, типа, чего сегодня делаешь?

Звонил Егор. Они не общались две недели и даже не ходили пить пиво. Один раз Мавродий пытался ему дозвониться, но тот не брал трубку.

— Да ничего особенного...

Мавродий как-то приуныл в последнее время. Летом, особенно в жаркую погоду, как и большинство людей с белой кожей, он ощущал упадок сил и пропажу интереса ко всему. Читал новости в соцсетях, смотрел ролики и делать ничего не хотел.

— У меня тут, типа, одно дело появилось, думаю, ты тоже прибалдеешь. — Егор говорил возбуждённым голосом. Мавродий не предполагал, что он может быть так увлечён чем-то, хотя знакомы они были со школы и вместе окончили полиграфический колледж. — Тут такое, я просто даже не знаю, как сказать... но я себе этого даже представить не мог!

Егор продолжал выражать бессмысленные, лишённые всякой конкретики восторги.

— Говори толком, чего ты хочешь, — прервал его Мелодий.

— Помнишь Генриха Карловича? Ну, мы с ним, типа, в Доме книги познакомились.

— Помню смутно, — сказал Мавродий, поморщившись. Ему почему-то было неприятно вспоминать тот вечер. — Мы тогда так надрались — я весь следующий день лежал пластом.

— Да я не об этом. Оказывается, он великий учёный, изучает физиологию и, типа, ставит опыты, такие прикольные опыты!.. Он за них, типа, деньги платит... — и вдруг спросил, даже голос у него изменился: — Ты вообще счастлив?

— Что?

Мавродий подумал сначала, что ослышался, — таким неожиданно странным был вопрос.

— Я говорю, ты счастлив? — повторил Егор.

— Ну-у... не знаю...

Вопрос поставил его в тупик, да он и не задумывался об этом никогда и меньше всего ожидал услышать его от своего старого друга, с которым каждую неделю пил пиво. Да, конечно, счастлив! Но вслух этого не сказал.

— Ну ладно, это потом... Я спросил Генриха Карловича, можно ли тебя привести. Он разрешил. Сегодня как раз суббота — давай вечером, типа, сходим к нему в гости.

— А потом зайдём пивка выпьем, — добавил Мавродий.

— Да это круче, чем пиво!

Вот эта фраза больше всего удивила Мавродия — неужели Егор смог полюбить что-нибудь больше пива?!

Договорились встретиться у метро «Чёрная речка».

Мавродий выключил трубку, задумался и пожал плечами.

— Что за ахинея?.. Конечно, счастлив!

Мавродий, плохо рассчитав время, опоздал минут на десять. Егор ждал его, нетерпеливо шагая из стороны в сторону. Мавродий никогда не видел друга таким возбуждённым и взволнованным.

— Я тебе по пути всё расскажу — Генрих Карлович, типа, не любит, когда опаздывают. В общем, позвонил он мне через несколько дней после нашего знакомства, — начал Егор, шагая чуть впереди Мавродия. — У меня тогда настроение паршивое было, типа, на работе завал, книги рвёшь-рвёшь, а зарплату не прибавляют. Никто книги не покупает, новинки из издательств фурами прут. Короче, послал я его. Он на следующий день снова звонит. Я, говорит, поражён, типа, вашим чувством юмора. Типа, я такой выдающийся, что у меня чувство юмора какое-то необычное — зашкаливающее. Пригласил в гости — типа, по делу: тест провести. Он чувство юмора изучает, заплатить обещал. Я сначала-то идти не хотел — мало ли извращенец

какой. Потом подумал, может, действительно учёный, а за деньги можно и тест пройти. А если извращенец, то я ему по башке настучу и уйду. Но всё не так оказалось... — Егор вынул из кармана телефон, взглянул на экран. — О! Так уже пять часов. Опаздываем!

— Так что там было дальше? — еле поспевая за прибавившим шаг другом, спросил Мавродий.

— Сам всё увидишь, — бросил через плечо Егор. — Да мы и пришли уже.

Генрих Карлович жил на первом этаже сталинского дома.

На звонок дверь им открыл широкоплечий невысокий мужчина в рубашке с закатанными рукавами, открывавшими мускулистые, волосатые ручищи в наколках. Мавродий сразу узнал его: это был тот самый бандюган, которого он уже видел в Доме книги, а теперь смог разглядеть его вблизи и при свете. Физиономия у него была и вблизи типично бандитская: один глаз стеклянный — должно быть, выбитый в драке; переносица вдавлена; лысая то ли от природы, то ли обритая голова в шрамах. Как будто явился с кладбища, где были захоронены братки из девяностых. Во всех его движениях чувствовалась неумолимая угроза. Он подмигнул правым глазом и молча пропустил гостей в квартиру. Станный у него был тик — дёргался то один, то другой глаз.

Раздевшись в просторной прихожей, вошли в комнату. Там сидели человек десять мужчин разного возраста, все они оживлённо беседовали, смеялись, но когда вошли Мавродий с Егором, вдруг смолкли, как будто обсуждали что-то запретное, и уставились на вновь пришедших.

Из другой комнаты в гостиную стремительно вошёл Генрих Карлович. Одет он был торжественно — в костюм и белую рубашку с галстуком.

— Сегодня у нас новый гость, — сказал он. — Прошу знакомиться: Мавродий.

— Помню я одного Мавроди. В девяностом году он у меня две тысячи долларов одолжил, — сказал седенький старичок из кресла. — Обещал четыре тысячи вернуть. Это случайно не вы?

Кто-то засмеялся.

— Это не тот Мавродий, — серьёзно сказал Генрих Карлович, указательным пальцем потрогав бородавку под носом, другой рукой он приобнял Мавродия за плечи и слегка подтолкнул в комнату.

Навстречу из кресла поднялся седенький старичок и протянул Мавродию руку.

— Добро пожаловать в царство смеха и веселья... — сказал он, как-то лукаво глядя на него.

— И счастья! — выкрикнул кто-то.

— Спасибо, — растерянно ответил Мавродий, пожимая протянутую руку.

Тут же поднялся другой, затем третий — все они с радостью и даже с восторгом пожимали ему руку. Так бывает, когда люди очень довольны тем, что ты оказался в их компании, которая стала ещё более приятной, чем была до того... или когда злорадствуют. «Вот и тебе тоже достанется, не только нам страдать...» — почему-то в голову Мавродия пришла именно такая мысль.

В основном это были люди в возрасте от тридцати до пятидесяти, исключением среди них был седенький старичок. Все они называли свои имена, но Мавродий не запоминал; в память врезались только двое, один из которых, с виду не старый, но с густой кривой бородой, назвался Писатель, и второй — щуплый, как подросток, в очках с толстыми стёклами, представился как Читатель.

Руку ему пожали все присутствующие в зале, а молодой человек в мешковатом костюме с наружностью дауна даже обнял Мавродия и, кажется, собирался поцеловать в щёку. Но вместо этого, приблизив губы к его уху, прошептал:

— Беги...

Мавродий вздрогнул, отстранился от молодого дауна, посмотрел на него внимательно, но лицо его не выражало ничего, кроме добродушного счастья. И Мавродий подумал, что это почудилось ему...

— Это Андрияша, — сказал кто-то о дауне. — Он наш талисман.

Друзья сели на стулья в углу комнаты. В больших компаниях Мавродий всегда стремился оказаться подальше, чтобы не мозолить глаза и чтобы на него обращали поменьше внимания. Он сразу заметил, с каким обожанием все собравшиеся смотрят на Генриха Карловича, да и Егор не отрывал от него восторженных глаз.

Из-за угла прихожей вдруг высунулась голова бандюгана, подмигнула левым глазом и в тот же момент исчезла, как будто и высовывалась, чтобы подмигнуть.

— Все вы, друзья, знаете, зачем мы здесь собрались, — начал Генрих Карлович. — Мы собрались здесь для смеха. Миллионы лет человечество смеётся над собой, но больше — над другими. Все вы, собравшиеся здесь, обладаете выдающимся даром — чувством юмора. Известно, что это самое главное чувство, говорящее о высоком интеллекте носителя, и обладающие им люди могут достичь сверхрезультатов в жизни. Недаром на смеховой культуре расцвёл Ренессанс. Смех — это освобождение! Но самая главная цель человеческой жизни — не просто весело прожить её, а достигнуть высшего её состояния — счастья. Каждый из нас понимает это по-своему. У одного счастье — это деньги, потому что у него их нет. У другого — любовь, потому что его никто не любит. Третий считает, что счастье в здоровье, потому что болеет... Каждый видит счастье в том, чего у него мало или нет вовсе. Однако получив наконец то, чего у него нет, человек понимает, что счастье не в этом. Но тогда в чём?.. Ведь каждый стремится к счастью, но не знает, как к нему подобраться. Не зря в старину говорили «счастье в нас, а не вокруг нас»; или «всякому — своё счастье; в чужое счастье не заедешь»; или вот ещё: «от своего счастья не отказывайся». Вы понимаете, о чём я говорю...

Наверное, все понимали, о чём говорил Генрих Карлович, и смотрели с обожанием, кроме Мавродия. Он вообще ничего не понимал.

Генрих Карлович продолжал в том же духе. Уходя в историю, вспомнил Аристотеля и Ломброзо... Всё это было неинтересно Мавродию, и он заскучал: он бы лучше выпил с Егором холодного пива — вот это было бы счастье, чем сидеть здесь в душном помещении, где и форточки-то все закрыты.

«На улице жарко. Почему закрыты форточки? — подумал он. — И чего я вообще сюда притащился? Слушаю всякую ерунду...»

Поглядывая по сторонам, Мавродий обзирал ничем не выдающуюся обстановку комнаты с полированным шкафом и стареньким диваном. На подоконнике — горшок с полувысохшим растением, пачка журналов, пустая позеленевшая ваза для цветов, наручники...

«Беги!» — вдруг вспыхнуло в памяти предупреждение дауна Андрияши. Он сидел на стуле чуть впереди, видно было только коротко стриженный затылок, ухо и часть розовой щеки. Что он имел в виду, от чего хотел уберечь Мавродия? Хотя что можно ожидать от больного человека и можно ли вообще это воспринимать всерьёз? А может быть, и вправду почудилось?..

Мавродий повернулся к Генриху Карловичу, продолжавшему распятыться по поводу счастья, потом перешёл к чувству юмора.

— ...Все мы знаем, что юмор бывает не только светлый, но и чёрный. И что же объединяет весь юмор? Ну конечно, смех! А смех — это и есть путь к счастью. Сегодня мы будем смеяться!

Мавродий снова покосился в сторону подоконника. Ну точно — наручники. Он более внимательно стал оглядывать окружающих его людей. Чуть впереди, рассеянно улыбаясь, сидел мужчина лет тридцати пяти, представившийся Писателем, взгляд его был светел и устремлён куда-то, даже не на Генриха Карловича, а вдаль. Слышал ли он, понимал ли он что-нибудь

из того, что говорил Генрих Карлович?.. Мавродий, например, не понимал. Справа от него на стуле расположился гражданин лет пятидесяти с благородным лицом, в пиджаке, с повязанным на шее шарфиком; лик его был спокоен и одухотворён, но вдруг лицо его исказила отвратительная гримаса. Мавродий непроизвольно отшатнулся. Это длилось какое-то мгновение... да нет, должно быть, почудилось: лик его вновь был спокоен, одухотворён. Мавродий, не выпуская его из поля зрения, наблюдал искоса. И снова лицо его исказила жуткая гримаса и тут же пропала... и снова спокойно-одухотворённое лицо. Опять почудилось.

Он оказался в компании каких-то странных людей, не в своём уме, кроме него и Егора, конечно. Мавродий покосился на своего друга. Тот смотрел с таким восхищением на Генриха Карловича, что казалось, сейчас выпрыгнет из штанов. Таким своего друга Мавродий не знал... так что, пожалуй, и он не в себе. И снова из-за угла прихожей выглянула голова бандюгана и, подмигнув, исчезла.

Старичок, давший две тысячи долларов какому-то Мавроди, слушал, восторженно вздрагивая, кивая и всем своим существом реагируя на слова Генриха Карловича: иногда вдруг хлопнет в ладоши один раз и опять слушает, вздрагивая и кивая. Мавродий догадался, кого имел в виду старичок. Ещё в детстве он слышал от отца историю гениального экономиста перестройки Мавроди, в честь которого и получил своё имя.

Его отец когда-то, посмотрев по телевизору рекламу компании «МММ», вложил в неё все свои деньги и через некоторое время получил в три раза больше. Он снова вложил деньги в МММ, и снова ему выдали в три раза больше. Тогда он, будучи человеком азартным, продал машину и квартиру, вложил деньги в организацию Мавроди и стал ждать... А через несколько месяцев получил огромную сумму. Он купил новую квартиру, новую машину. И в честь человека, подарившего ему состояние, назвал родившегося в то время мальчика. Отец его был убеждён, что имя это принесёт сыну счастье. Он всегда так и говорил: «Не меняй имя, сынок, оно принесёт тебе счастье. А это главное человеческое чувство. Кто не был счастлив — зря прожил свою жизнь».

Генрих Карлович между тем продолжал свою речь.

«Сколько же он будет говорить-то?» — подумал Мавродий.

И судя по всему, речь эту впервые слушал, вернее не слушал, только он один и, возможно, она предназначалась именно ему. В процессе выступления в комнату из-за угла прихожей выглядывала бандитская рожа. Выглянет, подмигнёт, посмотрит туда-сюда, исчезнет. А потом снова выглянет, посмотрит... и опять исчезнет. И опять выглянет...

— ... Чувство юмора развивается всю жизнь, но мы развиваем его семимильными шагами. Так что идём ржать!

С последней его фразой слушатели, разразившись аплодисментами и ликованием, повскакивали с мест и устроили настоящую овацию. Мавродий тоже встал и похлопал, раз здесь так принято. Все оживились, стали выходить в другую комнату, двери которой услужливо распахнул перед ними вынырнувший из-за угла одноглазый бандюган.

— Ты, типа, погоди, не ходи со всеми, — остановил Мавродия Егор, — сначала с тобой тесты нужно провести. А я пойду, а то там все лучшие места займут.

К Мавродию протиснулся Генрих Карлович.

— Ну, нам с вами, молодой человек, не до удовольствий. — Он потрогал бородавку под носом. — Вот сейчас все уйдут, а мы немного поработаем, присаживайтесь.

Генрих Карлович, пододвинув стул, уселся напротив Мавродия и открыл блокнот.

— Не знаю, говорил ли Егор о том, что я изучаю чувство юмора. Есть люди, у которых очень сильно развито это чувство, а есть такие, у которых оно вовсе отсутствует. Вы замечали? — Мавродий пожал плечами. — В том-то и дело: они очень тщательно скрывают это, не желая казаться неполноценными. Вот нам и нужно выявить, есть у вас чувство юмора или вы непол-

ноценный. Кстати, испытуемым я плачу деньги. Так что попрошу ответить на мои вопросы честно, не задумываясь.

Между тем все вышли в другую комнату, бандюган закрыл за ними дверь. Почему-то на ключ.

Всё это выглядело очень странно.

— Ну-с, приступим...

Генрих Карлович задавал Мавродию ничего не значащие вопросы, какие бывают в тестах психологов, и ему нужно было отвечать «да» или «нет». Удовлетворённо кивая, тот отмечал что-то в блокноте. Из-за двери между тем слышались возбуждённые голоса, смех, кто-то громко декламировал. Слов, правда, было не разобрать, но, как подумал Мавродий, рассказывали анекдоты. Может быть, прислушавшись, можно было понять, что происходит за дверью, но Генрих Карлович, постоянно задавая вопросы, не позволял сделать этого. Постепенно смех за дверью нарастал и усиливался, переходя в какой-то истерический гвалт. Смеялись сразу несколько человек. Кто-то вдруг взвизгивал надрывно, кто-то смеялся ровным басом, кто-то хохотал из последних сил... Что происходило за дверью, Мавродий не мог понять. Неужели анекдоты способны были вызвать смех такой интенсивности? Он просто зашкаливал. Должно быть, каждый возбуждал другого своим смехом, а тот заражал своего соседа... И вот, глядя друг на друга, уже хохочут все что есть мочи, изо всех сил!.. Так называемая групповая терапия.

Генрих Карлович сделал знак стоявшему возле двери бандюгану, и тот включил музыкальный центр. Смех и голоса из другой комнаты заглушила музыка, и их стало почти не слышно. Вероятно, Генрих Карлович сделал это, чтобы ему не мешали тестировать Мавродия. Он продолжал задавать вопросы, Мавродий отвечал. Так прошло ещё минут десять.

— Ну, вот и все вопросы, — улыбнулся Генрих Карлович, озабоченно глядя в блокнот и не переставая трогать бородавку под носом. — Вы успешно прошли этот тест. Я вас поздравляю.

Он вынул из кармана приготовленную заранее пятитысячную купюру и протянул Мавродию.

— Нормально! — Мавродий не ожидал такой суммы за один час разговора.

— Ну, раз нормально, то и славно. Номер вашего телефона у меня есть, теперь ваши данные обработает искусственный интеллект, а я позвоню и скажу о результате. Проводи, Диоген.

Мавродий оглянулся. За его спиной стоял бандюган. Он подошёл бесшумно... да, наверное, и не бесшумно, просто громко играла музыка, за дверью хохотали и взвизгивали, и не удивительно, что он не услышал. Человек этот со странным именем Диоген почему-то пугал Мавродия.

— Я, может, Егора подожду, — сказал он.

— Нет, он надолго. Бывает, до самой ночи засиживаемся: когда тебе хорошо, время летит быстро.

Генрих Карлович протянул руку для прощания.

Выйдя из парадной, Мавродий оглянулся и посмотрел на окно Генриха Карловича, оно было зашторено плотной занавеской. Постоял, прислушиваясь, но до него не донеслось ни единого звука. Начинал капать дождь, Мавродий накинул капюшон и пошёл к метро. Что было в той комнате, он не понял, да и не сильно задумывался. Такие деньги он нигде бы не заработал.

«С удовольствием ещё приду, — подумал он, — и ржать над анекдотами буду, пускай самыми дебильными анекдотами, ржать буду столько, сколько потребуется».

Глава 3. Беги!

Утром Мавродий проснулся с мыслью, что вчерашнее посещение Генриха Карловича было каким-то обманом, жульничеством. Он вдруг понял, что гости его делают вид, что им смешно, а смеются только для того, чтобы получить деньги, раз уж хозяину это зачем-то нужно. Лёжа в постели, вспомнил, что видел сон, в котором он стоял на Дворцовой площади в огромной толпе людей, и все они смеялись, истерически закатываясь от смеха. Не смеялся только Мавродий: ему было не смешно, ему было страшно. Он вспоминал вчерашнее приключение как что-то далёкое, не пугающее, скорее забавное. Сейчас он был уверен, что все притворялись, чтобы получить зарплату. И если он хочет влиться в их весёлый коллектив, ему тоже следует научиться смеяться без фальши, от души, чтобы никто не заподозрил.

Лёжа в постели, Мавродий попробовал засмеяться в голос — вышло как-то неестественно. Он поднялся и, похохатывая, направился в ванную. С каждым разом смех получался всё лучше, всё натуральнее.

«Пожалуй, и я смогу деньги смехом зарабатывать, — подумал он. — Поржал — пятёрку получил. А может быть, чем громче смеёшься, тем больше платят? Вот бы так! Интересно, как часто они собираются... Только бы по тестам подойти».

Он захохотал басом, потом фальцетом...

После завтрака, освоив азы, хохотал уже истерично, хлопая себя по ляжкам и взвизгивая. Ему было интересно разнообразить смех. Оказалось, существует множество видов смеха, но самое главное было добиться естественности, чтобы тебе поверили, а для этого требовалась тренировка.

Посмеиваясь, набрал номер Егора, но тот был вне зоны доступа. «Спит, наверное, — подумал Мавродий, — нахохотался вчера так, что подняться не может».

Мавродий жил в однокомнатной квартире, жена от него ушла к бизнесмену, детей у них не было, поэтому Мавродий пережил развод с безразличием. Зато теперь никто не мог помешать ему смеяться вволю, никто не скажет: «Ты что, дурак?!»

«Егор вроде говорил, что они раз в неделю собираются. По пять тысяч!.. Это ж нормальные деньги. Только бы тесты подошли».

Мавродий давно хотел купить новый ноутбук, а тут такая неожиданная удача!

Он снова набрал номер Егора, и снова тот был вне зоны.

Так Мавродий прохохотал всю субботу и посчитал, что уже готов к групповому смеху, даже если анекдоты отстойные.

Периодически в течение всего дня он позванивал Егору — ему не терпелось поделиться с ним своими мыслями и подтвердить предположения, — но, как назло, телефон его оставался вне зоны.

Всё воскресенье он продолжал тренироваться в смехе и достиг, как ему казалось, прекрасных результатов, так что сам себе верил. Но телефон друга молчал.

К вечеру какая-то тревога защемила сердце, настроение испортилось, он не понимал, почему это произошло. Быть может, оттого, что он слишком пересмеялся за эти дни. Зато научился смеяться на разные голоса и на любой вкус — ржать во всю глотку; прыскать мелко и гаденько; хохотать истерически с привизгом; злобно-гомерически; гортанно, солидным басом...

Но где Егор, почему его телефон выключен?!

На следующий день на работе был завал с книгами. Приходилось упаковывать и грузить в машину тысячный тираж, и пустоты в этих книгах не было, как будто автор напихал в них всё самое ненужное и безнадёжное, что есть в его голове: все дурацкие мысли, мелкие переживания и ещё много-много лишних никчёмных слов — оттого книги приобрели такой вес.

Мавродий упаковывал и таскал пачки до конца рабочего дня. Директор типографии, сволочь такая, экономя деньги, не хотел брать никого в помощь Мавродию.

Только возвращаясь домой с работы, он вновь набрал номер Егора, но с тем же успехом.

Эту ночь Мавродий спал плохо, иногда только впадал в забытьё и ему снились смеющиеся люди; они корчили рожи, показывали непристойные жесты... Он просыпался, ворочался с боку на бок и опять впадал в забытьё... и снова — хохочущие рожи, непристойные жесты...

Где-то в середине ночи в измученном мозгу его вдруг всплыло доброжелательное лицо дауна Андрюши, который обнял его и шепнул: «Беги!»... Он сейчас буквально услышал в ночи его шёпот.

Мавродий сел на кровати. На улице тишина, где-то, грохоча по рельсам, проехал первый трамвай...

«Беги!»

«А ведь он предупреждал! — пронеслось в разгорячённой голове Мавродия. — Просто я не понял, не распознал, подумав, что мне почудилось... И значит, Егор не зря не отвечает по телефону — значит, с ним что-то случилось...»

Сейчас во тьме и тишине ночи он уже был уверен в этом.

В ночи всё кажется ярче и острее. Когда Мавродий встал утром на работу, ночные ужасы показались чем-то далёким, ненастоящим, только тревога в сердце не давала покоя.

Телефон Егора не отвечал, и Мавродий решил после работы заехать к нему домой. Окна тёмные, на звонки дверь никто не открыл. Мавродий вышел на улицу. Оставалась только Марина, подруга Егора. Вот к ней-то Мавродию совсем идти не хотелось. Они никогда не находили общего языка, особенно после того, что случилось.

Они встречались три года, и Егор даже собирался жениться на ней, но почему-то передумал. Марина смертельно обиделась и переехала от него к родителям. Но потом постепенно они снова начали встречаться. Марина была уверена, что это Мавродий сбил Егора с брачного пути, и возненавидела его самой лютой на земле ненавистью обманутой женщины. Мавродий не знал, какие у них сейчас отношения, и, может быть, она сейчас пошлёт его к чёртовой матери.

Марина работала в библиотеке, которая располагалась в роскошном двухэтажном особняке XIX века. Мраморная лестница вела на второй этаж, в зал с колоннами и белым роялем, а дальше можно было пройти в другой зал с книжными стеллажами.

Марина работала в отделе комплектации, и именно она направляла невостребованные книги Егору на утилизацию. Пользуясь служебным положением, она занималась подтасовкой, подсовывая книги в мягкой обложке или такие, с которых легче срывать твёрдую обложку. Егор научил её выбирать лучшие книги. Но это было до того, как она ходила в невестах. Когда Егор вдруг жениться передумал, Марина проявила подлость мстительного характера. Она стала подбирать такие книги, что у Егора ночами пальцы на руках и на ногах сводило и крючило.

В библиотеке Мавродий нашёл Марину не сразу, а долго блуждал среди книжных полок. Библиотекари говорили: «Где-то здесь»... и разводили руками.

— О, привет. А я тебя ищу.

В углу одного из библиотечных залов, за столиком, заставленным стопками книг, Марина отбирала самые ненужные. Ей нравилась такая работа. В её власти было приговорить книгу к уничтожению — со всеми мыслями, образами, судьбами героев, картинками — или оставить книге скучную жизнь на полке. Сегодня у Марины было плохое настроение, поэтому приговаривала она многих.

— Что, в библиотеку записаться хочешь?

Мавродий ухмыльнулся её шутке.

— Ты давно с Егором виделась? — спросил он, уже по тону определив её плохое настроение.

— Я бы его вообще не видела никогда. Она подняла лицо от списка приговорённых, блеснув на Мавродия стёклами очков. — Он себе бабу завёл, пропадал тут у неё вечерами, приходил и всё ржал как сумасшедший, глаза бешеные.

— Когда это было?

— Да всю ту неделю, а сейчас трубку отключил. Точно бабу завёл.

— Я вот тоже не могу дозвониться. — Мавродий в задумчивости взял со стола книжку, покрутил её в руках, положил обратно. — Значит, ты не знаешь, где он может быть?

— Ну а где он, по-твоему, может быть?!

Голос Марины стал громким с визгливыми нотками.

«Нужно сматываться», — подумал Мавродий.

— Ну конечно, у бабу какой-нибудь, — и прошептала мстительно: — Я ему тут книжки подберу — не обрадуется.

Марина была вне себя от злости и, когда Мавродий ушёл, решительным движением столкнула стопку книг на пол, пнула их ногой и пошла курить. В такие минуты она ненавидела книги.

Проходя между стеллажей, остановилась, пропуская солидного незнакомого мужчину в сопровождении директора библиотеки, который заискивающе бубнил что-то на ходу, провожая гостя в Тайную комнату.

В дальнем углу библиотеки за большой дубовой дверью располагалась Тайная комната, вход в которую был запрещён читателям и работникам библиотеки; и только директор мог войти в неё, открыв старинный замок сложным ключом с выгравированными на нём тайными знаками, который хранился у него на груди на сверхпрочной тесёмке.

Что находилось за дверью, не знал никто, и говорили о ней только шёпотом. Говорили, впрочем, разное. Одни утверждали, что в комнату эту пускают только посвящённых (непонятно во что), что для посещения её нужно предъявить особенную бумагу с печатью, подписанную кем-то очень значительным — чуть ли не самим!.. И только тогда в сопровождении директора можно проникнуть за дубовую дверь. Те, кто входил туда, уже не возвращались. А книги, хранящиеся в ней, полны какой-то особенной мудрости, и что тот, кто прочтёт их, просветлеет и познает всю глубину и мудрость мира. Вот какие слухи ходили о Тайной комнате. Но и на этом не заканчивалось. Говорили, что такие Тайные комнаты есть ещё в Публичке и библиотеке Маяковского. Что являлось правдой, а что — библиотечарской выдумкой, было не разобрать.

Марина действительно иногда видела входивших туда людей, за которыми директор тут же запирает дверь на ключ, но никогда не видела, чтобы кто-то выходил. Из Тайной комнаты книги в утилизацию не отправляли, и даже если новый сотрудник спрашивал директора: «А вот из той комнаты книги не нужно каталогизировать?», директор отвечал всегда одно и то же:

— Из какой комнаты?

— Да вон из той...

— Нет там никакой комнаты.

И если новый работник настаивал, то от него быстро избавлялись. Библиотекари — народ суровый.

А может, был это просто выход на улицу.

Ещё два дня прошли для Мавродия в тревожном ожидании. Теперь он был уверен, что с его другом произошло несчастье. Идти в полицию глупо — у него не было никаких доказательств. Тем более доказательств чего? Одни только догадки. Но о чём?

Фамилии Генриха Карловича он не знал, попробовал найти в интернете редкое сочетание имени и отчества.

Среди них нашлись математик, доктор наук, знаменитый дзюдоист, русский учёный-электрик. Нашлись Генрихи Карловичи среди репрессированных и участников Первой

мировой войны, но все они давно умерли, а среди живых не оказалось ни одного физиолога подходящего возраста.

В субботу Мавродий встал пораньше. Да, собственно, последние ночи ему не спалось — он проводил их в каком-то полубредовом состоянии, в голове кружились дурацкие мысли. Смеяться уже не хотелось.

Позавтракав, поехал на «Чёрную речку», домой к Генриху Карловичу. По пути мучительно размышляя, с чего начать разговор. Положение было глупое, нелепое... но ведь где-то Егор должен быть!

Он хорошо помнил дорогу, дом, номер квартиры и даже код на двери.

Когда он позвонил в квартиру, ему открыли почти сразу. В дверях стояла женщина лет пятидесяти.

— Я бы хотел... — начал Мавродий, но женщина прервала его.

— Проходите, проходите. — Она отступила в сторону, пропуская Мавродия в прихожую. — Вы удивительно быстро нашлись. Жильцы вот только вчера съехали. На них соседи жаловались — шумно было.

«Ещё бы», — подумал Мавродий.

— А вы не знаете, куда старые жильцы переехали? — спросил он, остановившись в прихожей.

— Нет, конечно. Я риелтор, а они без договора снимали.

Оборвалась последняя ниточка, которая могла привести к Егору.

Накрыв голову капюшоном, Мавродий шёл к метро, дождь припустил сильнее. Теперь он совершенно не представлял, что делать. Идти в полицию — но что он там скажет? Как в квартире Генриха Карловича смеялись — глупо. Скажет: «Собиралась толпа людей смеяться, а за это им деньги платили». Этак наговоришь себе на смирительную рубашку.

Он уже дошёл до метро, и вдруг его осенило! Мавродий вспомнил, что, когда они только познакомились с Генрихом Карловичем, официант кафе Дома книги остановил его у туалета и предупредил, чтобы он не связывался с этим человеком и сказал что-то вроде о том, что люди пропадают... Мавродий смутно помнил тот вечер, но это была зацепка, хотя и очень слабая. Да и как выглядел тот официант, он не запомнил — в памяти остались только белая рубашка и лицо с раскосыми глазами.

Он спустился в метро и поехал на Невский проспект.

Глава 4. Погоня

Почти все столики в кафе Дома книги были заняты, но столик, за которым они сидели в тот вечер, оказался свободным — первая удача за сегодняшний день. Усевшись за него, Мавродий стал озиаться по сторонам в поисках официанта. Он почему-то был уверен, что увидит его сегодня. За соседним столиком сидела престарелая пара москвичей. Москвичей он без труда отличал от гостей из других городов, не говоря уже о петербуржцах. Он искал глазами молодого человека, но по залу ходили только официанты-девушки.

Взгляд его натолкнулся на сидевшего за столиком молодого человека, показавшегося ему знакомым: коротко стриженный массивный затылок, серый старомодный пиджак... Он сидел вполоборота, и Мавродий никак не мог вспомнить, где видел его... Да это было и не важно сейчас...

Подошла молоденькая девушка-официантка.

— Скажите, у вас здесь официантом молодой человек работал, такой... — Мавродий покрутил перед своим лицом рукой, пытаясь жестами пояснить свой вопрос, — северной внешности. — Девушка недоумённо пожала плечами и чиркнула что-то в своей книжечке. — Ну, глаза у него такие узкие, он нас обслуживал за этим столиком.

— У нас не работают официанты-мужчины. Если только бармен или администратор, но они...

— Да нет, официант, он нас за этим столиком обслуживал.

— Мужчины у нас официантами не работают, я год этот столик обслуживаю.

— Ну, может, в другую смену... — не успокаивался Мавродий.

Во время разговора он непрестанно озиался по сторонам в надежде увидеть официанта. Взгляд его упал на человека, сидевшего за соседним столиком, силуэт которого показался ему знакомым. В этот момент тот повернулся и посмотрел в его сторону. Мавродий вздрогнул. Он узнал дауна Андрюшу, которого видел в квартире Генриха Карловича. Даун улыбнулся ему добродушно и помахал рукой.

— Так вы будете заказывать?.. — Официантка не скрывала своего раздражения, нервно поигрывая ручкой.

Неделю назад от неё ушёл парень к жирной Маринке, стерве! И она никак не могла успокоиться не потому, что ушёл, — чёрт с ним! — а потому, что к жирной Маринке. А этот похож на её парня. Тоже, видно, сволочь.

— Эспresso, пожалуйста, — растерянно проговорил Мавродий.

Можно было подойти и заговорить с Андрюшей, но что-то его удерживало. Неприятно и жутко ему стало от этой неожиданной встречи, на память пришли слова молодого дауна, сказанные в квартире Генриха Карловича.

Когда официантка ушла, Мавродий стал более внимательно осматривать сидевших за столиками посетителей. Да нет, ничего подозрительного вокруг не обнаружилось. Москвичи ели пирожные, поглядывая в окно на Казанский собор, три молоденькие девушки задорно и весело болтали между собой. За дальним столом коренастый человек в кожаной куртке с бокалом пива, трое курсантов в военной форме...

Да, может быть, это и не тот даун, не Андрюша. Они все как близнецы-братья — все доброжелательные, улыбчивые... Но уж очень похож!.. Да нет, конечно, не он, не может же быть такого совпадения, похож просто...

И снова, как бы назло, желая развеять его сомнения, даун повернул лицо в сторону Мавродия и, широко улыбнувшись ему, покачал головой; потом соорудил из пальцев человечка и, постукивая по крышке, пробежал по столу. Беги! И отвернулся как ни в чём не бывало.

«Может быть, подойти к нему поговорить?» — подумал Мавродий.

А между тем из глубины зала на него не отрываясь смотрел мужчина в кожаной куртке, но Мавродий не обращал на него внимания. И когда официантка принесла кофе, поймав его взгляд, узнал не сразу. Он даже мысли не допустил, что это может быть он. А когда узнал, сердце заколотилось сильнее. Это был одноглазый бандюган, которого Генрих Карлович назвал Диогеном. Его он хотел видеть меньше всего — этот человек почему-то вызывал в нём ужас.

«Почему они здесь? — думал Мавродий. — Следят за мной? Но зачем?.. Что они могут сделать... Кругом полно людей, — лихорадочно билось в сознании Мавродия. — Да и зачем им что-то делать со мной?..»

Он смотрел на чашку кофе, боясь поднять глаза. Ему было страшно даже не из-за того, что они могут что-то сделать с ним, а из-за непонимания того, что происходит вокруг... Ещё тогда, в квартире Генриха Карловича, ему становилось жутко, когда одноглазый бандюган заглядывал в комнату.

Глядя на чашку кофе, он слегка успокоился. Да нет, ерунда... Не поднимая глаз, сделал два глотка и почти совсем взял себя в руки.

«Вот сейчас я посмотрю, и их уже не будет», — подумал он, сделал ещё глоток, поднял голову и вздрогнул, кровь ударила в лицо — оба они смотрели на него не отрываясь. Панический страх вдруг охватил Мавродия. Он вскочил, с грохотом задев ногами стол, и стремительно направился к выходу, чувствуя спиной их взгляды. По пути откуда-то вынырнула официантка, он не глядя сунул ей деньги и вышел из кафе.

Оказавшись среди книжных полок магазина, слегка успокоился: присутствие книг утихомиривало и даже вызывало сонливость, он подумал, что здесь-то Диоген его не достанет.

Мавродий решил спуститься не по ближайшей лестнице, а, чтобы запутать следы, по другой. До неё нужно было пройти через весь торговый зал.

Он шёл мимо стеллажей, боясь заглядывать в узкие пространства между ними, всё ускоряя шаг. Мелькали книжные стеллажи с надписями «Художественная литература», «Фантастика», «Зарубежная литература»... И вдруг из-за одного из них выглянула голова Диогена, подмигнула и тут же исчезла.

Вот чёрт! И народу, как назло, никого, даже продавцы куда-то подевались!

Ноги плохо слушались, рубашка промокла от пота... он ещё ускорил шаг. А вот ещё! Голова Диогена только на мгновение высунулась из-за другого стеллажа. Мавродия трясло от ужаса. Диоген выглянул в другом месте. И хотя Мавродий почти бежал, но Диоген, как-то быстренько обогнув с другой стороны книжный стеллаж, успевал выглянуть то спереди, то сзади. И как Мавродий ни ускорял шаг, не мог избавиться от этого мерзкого типа.

Дорога до лестницы казалась бескончаемой.

Мавродий, перескакивая через ступеньку, испугав одинокого покупателя книг, бросился вниз по лестнице. Оказавшись на первом этаже, не найдя выхода, побежал сначала не в ту сторону, заплутав в обширных залах Дома книги. И здесь ему казалось, что одноглазый Диоген не отстаёт, а следит за ним, выглядывая то из-за одного стеллажа, то из-за другого...

Наконец запыхавшийся Мавродий выскочил на Невский проспект. Народ шёл потоком в одну и другую стороны. Летом в городе полно туристов, особенно когда начинаются белые ночи, и все они едут на Невский проспект.

Не сбавляя темпа, лавируя между прохожими, Мавродий перешёл канал Грибоедова и, смешавшись с гуляющим народом, направился вдоль канала в сторону Спаса на Крови. Ему казалось, что он оторвался от преследователя. Замедлив шаг, он шёл нарочно не спеша, оглядываясь по сторонам. Иногда ему мерещилось, что на другой стороне канала среди народа мелькала лысая голова Диогена. Но Мавродий не был уверен, что это он... однако голова мелькала снова, и Мавродий снова не был уверен... Так он дошёл до Михайловского сада и Спаса на Крови, повернул направо и, пройдя ещё немного, остановился у Марсова поля. Он боялся

идти через открытое место, где он как на ладони. Но потом решил, что, издали заметив Диогена, сможет убежать.

Шагая дорожками Марсова поля, мимо Вечного огня и мемориала, он убедился, что за ним никто не следит, и успокоился.

Мавродий подошёл к кусту сирени; здесь сирень цвела особенно пышно. Вдыхая её аромат, он стоял так несколько минут, и казалось, что ничего не было — не было дауна Андрюши, Диогена, — а всё это разыгравшаяся фантазия, спровоцированная исчезновением его друга... Он постоял у Вечного огня и уже неторопливо, шурша подошвами по дорожке Марсова поля, направился к Неве.

Глава 5. Друг твой на дне

Перейдя дорогу, Мавродий остановился на набережной, любуясь открывшимся видом. Вид города поражал его в любое время года, особенно сейчас, вечером, с приближением белых ночей, когда над Невой плывут облака, когда город предстаёт загадочным и таинственным. Было непонятно, сколько времени, — мобильник, у Мавродия разрядился. Последний звонок Егору он произвёл на Марсовом поле, но с неизменным результатом.

Мавродий остановился возле спуска к воде, постояв, сделал несколько шагов по гранитным ступеням. Внизу на ступенях сидел мужчина и тоже любовался видом.

По Неве сновали прогулочные катера с туристами. Мавродий остановился неподалёку от сидевшего на граните человека. Тот привлёк его внимание нелепым и странным своим видом: длинное чёрное пальто, вязаная шапка на глаза. Да и не на красоту города он смотрел, а на тёмную воду Невы, как бы в глубь неё. Крючковатый нос, лицо, изъеденное глубокими морщинами... Человек не отсюда — не из этого мира, — а откуда, не поймёшь.

— Всё то же самое, — негромко проговорил человек и, закинув голову, захохотал гортанно. Почему-то послышалось Мавродию в его хохоте бульканье невской воды, как будто был это не человек, а утопленник. — Ничто не меняется, вечный город, — продолжал он. — И через сто, и через тысячу лет будет то же самое.

— Простите, не понял. — Подумав, что обращаются к нему, Мавродий сделал шаг по направлению к говорившему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.